

S. T.
since tempore

СЕРГЕЙ МАРЧУК

18+

Сергей Анатольевич Марчук

S.T. Since Tempore

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54978494

SelfPub; 2020

Аннотация

Если однажды вам предложат бросить эту осточертевшую жизнь, и прожить другую, новую, полную приключений и авантур, в молодом, здоровом теле – что вы ответите? Согласитесь ли оставить Близких и друзей – ради второго шанса? Именно этот вопрос странный незнакомец задает нашему герою, дав говорящего кота Маню и сутки на размышление. Всего за сутки герой должен принять решение, которое изменит всю его жизнь. В этой книге мы встретим удивительных персонажей, истории которых позволят нам по-иному взглянуть на эту жизнь: блаженный странник Фил, путешествующий один по свету, Шлитци, звезда цирка уродов, Соня, маленькая девочка, умирающая от рака... Вместе с этими героями вам предстоит побродить по Москве, узнавая необыкновенные истории знакомых мест, раскрывая для себя по-новому привычные вещи. Все ради того, чтобы понять, что же для нас самое главное, что удерживает нас здесь?

Содержание

Действующие лица (они же исполнители)	5
ВВЕДЕНИЕ, несколько странное, и вроде бы совершенно не связанное по смыслу с самой книгой, но всё-таки обязательное к прочтению благосклонным читателем.	6
ГЛАВА 1, в которой автор настоятельно не рекомендует читателю просто так шататься по торговым центрам, чтобы не вышло чего-нибудь такого... В которой главный герой встречает человека в смокинге, и что из этого выходит.	9
ГЛАВА 2, в которой автор знакомит читателя с ещё одним персонажем торгового центра, странником блаженным Филей.	25
Глава 3. В которой читатель узнаёт о пользе московских пробок, а Иван с Маней едут домой.	39
ГЛАВА 4, в которой Фил знакомится с двумя Александрями Сергеевичами, и узнаёт кое-что новое о фамильной истории Пушкина.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	67

S. T. (since tempore) – лат. сокр. необходимо прийти точно вовремя, без опозданий.

Посвящается моим любимым людям – моим предкам по всем линиям, папе и маме, жене Светлане, детям Ане и Ване, всем моим друзьям и знакомым, а также всем когда-либо встреченным мною случайно и нет людям, потому что без вас эта книга никогда не могла быть написана.

Действующие лица (они же исполнители)

Человек в смокинге – личность таинственная и непонятная, вполне возможно, плод чьего-то воображения.

Иван – обычный российский обыватель, по совместительству врач.

Фил – бродяга-странник.

Шлитци – микроцефал из цирка уродов, закадычный друг кота Мани.

Автор – связующее звено между всеми персонажами, окончательно запутавшийся и погрязший в их взаимоотношениях.

Другие лица – божественные создания, от которых, по большому счёту, ничего не зависит, но которые и наполняют нашу жизнь смыслом.

Кот Маня – про которого чуть не забыли, ведь он и не человек вовсе, но который тоже участвует в этой разборке на главных ролях.

ВВЕДЕНИЕ, несколько странное, и вроде бы совершенно не связанное по смыслу с самой книгой, но всё- таки обязательное к прочтению благосклонным читателем.

Я люблю этот город, город снов и теней, тихих переулков и спешащих в неизвестность равнодушно-деловитых людей, город булыжных мостовых и растворяющихся в пустоте звуков твоих шагов, город маленьких кафе и вечного начала лета, головокружительной пестроты пустых впечатлений и однотонно-умиротворяющей синевы бездонного неба... Это мой город. И когда я хочу, я могу задрать голову и над мной в вышине окажется видимый лишь мне безмолвный серебристо-золотой цеппелин, точная копия немецкой фирмы Luftschiffbau Zeppelin GmbH, детище верфи графа Цеппелина с аббревиатурой LZ-130 на боку... Он часть моего «я», явившийся мне в детстве, и неизвестно как оказывающийся здесь и там, периодически заявляющий свои права на мои мироощущения. Всепоглощающий дух свободы и независимости, ломающий оковы времени и места, досужих суждений и неуклюжих реверансов, чья судьба – гордое одиночество, и смысл существования которого я не могу угадать,

хотя и постоянно пытаюсь сделать это... У него есть путь. Свой ПУТЬ.

Что такое этот самый путь? Перемещение тела из пункта А в пункт В, или несколько большее? Но ведь возможны и мысленные перемещения и, по крайней мере теоретически, путешествия во времени... А можно, не покидая скорлупы своего маленького эгоистичного "Я", бесцельно мотаться по всем мыслимым координатам GPS в своём брэнном физическом теле. Пути наши, как и Господни, неисповедимы. Иной путь только начинается в старости, освобождаясь от запутанного клубка метаний по сторонам, а иногда человек так и не сможет осознать, почувствовать свой Путь. Вместо этого гнетущая пелена разочарований и бессмысленность существования в череде дней, замкнутых в пустоте, словно лента Мебиуса.

Впрочем, за каждой дверью может начаться твой Путь. Открывая дверь, помни, что, переступив этот порог, ты уже не останешься прежним, не сможешь вернуться назад в уютное прошлое, комфортно-отупляющее болото повседневности, коряво адаптированное тобою под кальку воображаемого счастья, в чём ты уверил себя и окружающих. Ты можешь изменить своё настоящее, только перешагнув этот порог, и вовсе не факт, что это тебе потом очень понравится, но это, наверное, лучше, чем изо дня в день переживать одно и то же, бесцельно перемещаясь по замкнутому кругу своих ощущений и переживаний, постепенно тупея и превращаясь в

надгробный памятник самому себе... И так, никогда не боясь сделать этот шаг... Шаг в пустоту, или всё же нет?.. Чтобы иметь будущее, надо войти в него, без этого ты рискуешь навсегда застрять в прошлом...

**ГЛАВА 1, в которой автор
настоятельно не рекомендует
читателю просто так шататься
по торговым центрам, чтобы
не вышло чего-нибудь такого...
В которой главный герой
встречает человека в смокинге,
и что из этого выходит.**

Вся жизнь современного городского жителя поделена на две неравные части. Первую, которую он в большинстве своём не очень любит, и которая занимает основную часть его существования, он посвящает зарабатыванию денег, а вторую, которую он тоже не особенно любит, но которая вроде как наполняет смыслом его первую, нелюбимую половину – он посвящает трате этих самых заработанных денег.

Гармоничность всего в этом мире требует равномерности происходящих событий, их цикличности, вот почему выходные горожанина посвящены этому, вызывающему сложно-противоречивые чувства, слову – «шоппинг». Для подавляющего большинства женщин это синоним состоявшегося

ся женского счастья, адекватная замена всему разнообразию всевозможных подарков жизни от несостоявшихся оргазмов до внезапного счастья материнства. Это невероятно увлекательное занятие, заменяющее стародавнюю человеческую забаву – охоту. Попробуй, найди в этом хитросплетении бутиков и распродаж заветную ВЕЩЬ, смысл которой после её приобретения, ну, совсем не очевиден, и которая надолго благополучно укладывается в монументальный стог точно таких же трофеев. Правда, бывают и всплески счастья через несколько лет, когда эта вещица обнаруживается заново, и ностальгические флюиды начинают волновать собственные извилины, поражённые склерозом.

Радостное ожидание, предвкушение этого самого шопинга согревает душу в течение всей рабочей недели, а ее первые два-три дня железно посвящены разбору полётов среди таких же зомбированных созданий с демонстрацией добытых артефактов...

Человечество, в лице своей слабой половины, всю свою длинную историю пыталось найти наиболее эффективное применение заложенным на уровне генов поведенческим рефлексам «на других посмотреть и себя показать». Для этого придумывалось всё, что можно – от Колизеев и ярмарок, до балета и церквей. Современные супермаркеты заменили собою абсолютно всё – здесь вам и рынок, и трактир, хлеб и зрелища в одном флаконе, влезающие в рамки усреднённого кошелька и усреднённых желаний, суповой на-

бор простых и незатейливых устремлений современного жителя городских джунглей...

Броуновское движение вещей и людей в супермаркетах всегда непостижимо, есть в этом что-то монументальное и мистическое, словно большая навозная куча посреди поля в марте, когда только-только сходит снег: что это за чудо, откуда, почему, зачем и кому это нужно, совершенно не понятно. Вроде бы конкретные люди, азартно спешащие по конкретным делам в конкретные магазины, а на деле – бессмысленная суeta тела и духа в замкнутом пространстве, россыпи осоловевших глаз и кастрированных желаний в ауре всеобщей опустошённости, неторопливо движущиеся в небытие по шкале отмеренного кем-то времени...

Единственным условием всего этого вземного счастья является то, что ты должен сам принимать деятельное участие в этом вещевом рукоблудии, иначе тебя ждёт участь десятков тысяч несчастных мужей с видом профессиональных мучеников простаивающих возле бутиков или спящих в машинах в ожидании своих амазонок с криком «Ну, ладно, поехали...». Вываливающих свои трофеи в багажник и виснувших на его крышке в безуспешных попытках закрыть... В общем, действует незатейливо простое правило садо-мазохизма – чтобы получить удовольствие от происходящего надо стать частью этого происходящего... Или путешествовать по этой матрице в гордом одиночестве...

* * *

И всё же во всей этой беспорядочной, мерно гудящей су-ете было что-то не так... Неожиданно Иван увидел небольшой, метра три шириной отсек. Впереди стояла прозрачная стеклянная витрина, за которой стоял высокий барный стул с поблескивающими хромом ножками. На нём красовался, мерно покачиваясь, странный, одутловатый субъект мужского пола, возраста этак под пятьдесят пять, весом далеко за центнер, одетый в дорогуший чёрно-фиолетовый смокинг с шелковыми, переливающимися лацканами. Брюки субъекта были украшены зауженными лампасами красного цвета. Тугая накрахмаленная белоснежная манишка судорожно пыталась выбраться из объятий тёмно-фиолетового жилета, украшенного мелкой кроваво-красной паутиной иероглифической вышивки. Стоячий воротничок устало сжимал шею толстяка, а чёрный галстук-бабочка, обречённо сложил крылья чуть ниже блестящей перламутровой пуговицы ворота. Из нагрудного кармана кокетливо торчал ярко-алый платок, свёрнутый так, что издалека он напоминал розу. Сквозь прозрачную витрину были видны чёрные остроносые ботинки из тонкой кожи, украшенные почему-то ярко-красными шнурками. На витрине рядом с его левой рукой лежал большой коробок спичек, гильотинный каттер для обрезки сигар и мраморная сигарная пепельница в виде протянутой ладони. Справа стояла на четверть заполненная пузатая рюмка с коричневой жидкостью, а рядом гордо покоилась открытая жестянка с «кильками в томатном соусе». Завершала

эту икебану воткнутая в банку изящная серебряная вилочка. Мерно покачиваясь на высоком стуле, толстяк сосредоточенно читал газету «Правда», по-сибаритски дымя при этом сигарой. На передовице была фотография с братской могилой – «Товарищи Шверник, Хрущёв, Димитров, Сталин, Молотов, Булганин, Микоян и Чубарь на трибуне Мавзолея. 12 сентября 1937 г.», где кучка наших вождей радостно салютовала протекающей мимо биомассе. Всё это было окутано лёгкими клубами сигарного дыма и нелёгких раздумий господина в смокинге...

Иван изумлённо обернулся по сторонам.... Проходящие вокруг люди нимало не интересовались происходящим. Мимо протрусил охранник, сосредоточенно пытаясь сделать шпагат глазами. Один глаз был устремлён в сотовый телефон, на котором металось что-то похожее на тетрис, а второй – выполняя свои непосредственные служебные обязанности, ощупывал взглядом проходящих мимо дам ниже пояса, наверное, на предмет террористической угрозы.

– Ёлки-палки, а где же их противопожарная безопасность? – Иван вспомнил про лекции пожарников и систему противопожарного тушения, которую у них проводили задумчивые гастарбайтеры. Где она подключалась и подключалась ли она вообще, гастрбайтеры не знали...

Внезапно всплыла в сознании статья 20.20. Потребление (распитие) алкогольной продукции в запрещенных местах, грозило административным штрафом до 1500 рублей и...

– Административным штрафом в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации либо административный арест на срок до пятнадцати суток с административным выдворением за пределы Российской Федерации, если действия совершены иностранным гражданином или лицом без гражданства, – вдруг громко закончил за него господин в смокинге, пригубил свою жидкость из рюмки и зубасто улыбнулся.

Опешивший Иван замер, а затем несколько неуверенно приблизился к стеклянной витрине. Они внимательно посмотрели друг на друга. Иван, словно оправдываясь, за неготовность ответно пошутить натужно выдавил:

– Что, товар ещё не подвезли? Скучаете?..

Господин в смокинге пронзительно посмотрел на Ивана и задумчиво ответил:

– Да мой товар всегда здесь... Покупателей только, знаете ли, не шибко много, да и привередливые все такие...

Он как-то лихо сполз с высокого стула, умудрившись, не оборачиваясь, точным движением ноги отправить его к стенке. Правой рукой он сложил газету и, поймав удивлённый взгляд Ивана, иронично улыбнулся: – Что, газеты читать любите?.. А ведь знаете, порою бывают прелюбопытные статьи... Вот, например, наша доблестная «Правда» от 11 января 1937 года пишет в разделе происшествя:

«...Арест афериста. В тресте "Арктиуголь" при Главном

управлении Северного морского пути в течение полутора лет работал в качестве главного бухгалтера некий И.А.Штейман. 10 января уголовный розыск московской милиции установил, что Штейман – не кто иной, как скрывающийся крупный аферист А.И.Барбараш, осужденный на 10 лет лишения свободы и бежавший из заключения. Все документы на имя Штеймана оказались подделкой. Часть из них, в том числе и трудовой список, Барбараш сфабриковал лично. Преступник арестован». Ну, и как вам... Гражданин Барбараш, косящий под еврея Штеймана из «Арктикуголя» и, что мне особенно нравится, фабрикующий трудовую книжку лично.

Или вот: «Кинонаходка. 9 января на складе "Мосгортопа" (Складочная ул., д.№2/1) среди штабелей дров найдены 6 металлических коробок с экземпляром кинокартины "Броненосец Потемкин". Очевидно, картина была похищена и припрятана на складе. Расследование ведет 20-е отделение милиции...» Вот вам, тянущийся изо всех сил к кинематографу блатной мир. Эйзенштейн, наверное, тихо счастливо плачет... Волшебная сила искусства... Хотя люди по-своему интересные, может и навестим как-нибудь...

Господин в смокинге ухмыльнулся, и не сводя глаз с Ивана проговорил:

– Вот и вас Бог послал! Тоже забавная, если подумать, ситуация – прислал или всё же послал? Ну, да разберёмся по ходу... Он снова улыбнулся, обнажив зубы, и начал пристраивать свою дымящуюся сигару в пепельнице:

– Прошу прощения, но как вы знаете, у порядочных людей, – при этом он сделал многозначительную паузу, – крайне не рекомендуется специально гасить сигару – её нужно аккуратно, я бы сказал трепетно, положить, чтобы она могла потухнуть сама, иначе это рассматривается как неуважение к сделавшему её мастеру и является дурным тоном. Ах, сигары, сигары! Тут у вас борьба с табакокурением везде и в каждом углу, а ведь это, мой друг, не просто вредная привычка – это история. Как вы знаете, наш добрый первооткрыватель и довольно гнусный, в общем-то, человек, предавший и положивший немало своих товарищей, итальянец, служивший испанской короне, Кристобаль Колон (по-вашему Христофор Колумб) первым привёз табак в Старый Свет. Кстати, наш скромняга никак не мог получить разрешение на проведение этой своей экспедиции, так как целых десять лет требовал от испанского короля назначить его ни много, ни мало, вице-королём новых земель и наградить пожизненным титулом «главного адмирала моря-океана». В 1492 году во время первой, из четырёх, экспедиций, его матросы заметили, что индейцы используют для ритуальных обрядов подожжённые листья маиса, обёрнутые вокруг листьев растения «соһіба». Правда, тут следует оговориться, что современная сигара, скрученная только из листьев табака, дело рук самих испанцев-конкистадоров и появилась она только в 17 веке.

Ну а первым европейцем, попробовавшим табак, стал спутник Колумба – блестящий капитан флагманского кораб-

ля «Санта-Мария» Родриго де Херес. Туземцы с острова Гуа-нахани в районе Багамских островов, где теперешний Сан-Сальвадор, преподнесли ему в дар листья табака. Бедняга настолько пристрастился к нему, что привёз табак с собой в Испанию. Стоит заметить, что он был единственным курящим человеком из всего экипажа корабля. Он же стал и первой жертвой антитабачной компании. После публичных демонстраций курения, он был посажен недремлющей инквизицией в тюрьму, так как вид человека выпускающего через ноздри дым наводил окружающих на нехорошие мысли, что в него вселился дьявол. Времена были, увы, не те – средневековье... Правда, через семь лет его выпустили, так как курение легализовали уже во всей Испании. Впрочем, – засмущался человек в смокинге, – чего-то я увлёкся...

Он взмахнул рукой, и в витрине образовался проём:

– Ну что, вэлкам, как говаривал Шекспир, шлюхам из ближайшего борделя... Милости прошу к нашему шалашу!

Иван нерешительно протиснулся в пустующий павильон.

– Как-то тут у вас чересчур по-спартански, – смущённо протянул он. – Ни женщин, ни развлечений! – весело подмигнул толстяк. – Хотя о чём это я!

Он театрально развёл руки и с обеих сторон от него материализовались две знойные красотки. Одна была блондинкой, разительно похожей на Мэрилин Монро, прижимающей вибрирующее на невесть откуда взявшемся ветру атласное красное платье и глупо хихикающей при этом. Вторая пред-

ставляла собою жгучую брюнетку смутно похожую на Софи Лорен. Дама с видом профессионально торговца выставляла напоказ свою полуголую грудь необъятного размера, а умопомрачительный разрез отливающего атласом тёмно-фиолетового платья не собирался скрывать строгую белизну вызывающе длинных ног.

– Ну, как?! – с наивно-ехидным видом спросил человек в смокинге, деланно-смущённо отводя глазки в сторону. Отвалившаяся челюсть Ивана далеко не сразу смогла встать на своё прежнее место. Он что-то хрипло промычал и попытался уменьшить разрез выпученных глаз.

– Вот и я говорю! Отвлекает всё это от работы с клиентом. Хоть и говорят люди, что реклама – двигатель торговли, по моему, она, наоборот, самый настоящий тормоз!

Он хлопнул в ладоши и красотки исчезли, оставив в дрожащем воздухе волнительный запах неземного парфюма, ощущение разочарования и обидного розыгрыша. Иван ошарашенно покрутил головой. «Не жизнь, а сплошные разочарования!» – почему-то мелькнуло в голове...

– Хотя в чём-то вы всё же правы! – засуетился толстяк. – Должно быть уютно, по-домашнему! Спокойный, не суетящийся клиент – мечта коммивояжера. Взвешенные решения – наш конёк! А ведь хороший лозунг! А! – и он радостно начал потирать ручки. – вы у нас любите животных. И дома аж три кошки...

Снова лёгкое колыхание воздуха и на стеклянной витри-

не появился огромный чёрный кот. Внешний вид кота был изумителен. Он был огромен. Кончики ушей заканчивались пышными кисточками, как у рыси. Тёмно-коричневая манишка охватывала шею, а жёлтые глаза с весёлым интересом поглядывали на окружающих.

– Мэйкун Маня. Кот представительского класса. – глухим басом вдруг заявил он. – Ну, и чего уставились, малыши. Котов не видели, что ли?

Иван ошалело глядел на наглуую тварь и опять ничего не мог сказать.

– Да, да! Позвольте представить – мэйкун Маня! – хохотнул толстячок. – Мани – это деньги, ну, а он один, значит, одна денежка – Маня. Мой незаменимый помощник. Хотя, – он махнул рукой, – Это кто тут чей помощник надо ещё разобраться! Он всегда прав. Говорит разумные, но гадкие вещи, так как циничен до омерзения, и не верит ни во что высокое и доброе, кроме мартовской оттепели...

Мэйкун замурлыкал, перевернулся и лёг на спину пузом кверху.

– Я, верно, вас смущаю, – Маня потянулся и закрыл правый жёлтый глаз. – Ну, не обращайтесь на меня внимания, воркуйте дальше...

И он басовито захрапел. Потом вдруг поднялся в воздух и завис в сантиметрах двадцати от витрины, мерно покачиваясь из стороны в сторону, как младенец в люльке.

Человек в смокинге щёлкнул пальцами, и рядом с Иваном

материализовался круглый прозрачный стол с двумя удобными креслами.

– Прошу садится! – толстяк сразу посерьёзнул. – Ну, я вижу, вы человек взрослый. Истерик не устраиваете. Хотя и поверить до конца в происходящее пока не можете. Ну, да это временное явление. Так уж устроена человеческая психика, что со временем он во всякую ахинею начинает истово верить. Всё в этом мире обман чувств, и важно в конце концов не то, что есть, а то, что мы считаем, что оно есть. Реальность существует для нас в одном экземпляре, в единственном числе – спешел фор ю, дорогой друг! Да и так ли уж вам важно, игра ли я вашего воображения или пока ещё до конца неосознанная реальность?! – он помолчал...

– А что вы скажете на то, что вот сейчас я предложу вам прожить другую жизнь... Здесь, в этом мире вы благополучно умрёте и проснётесь в совершенно другом мире, другом времени. Я не гарантирую, что вы будете там наследным принцем или сказочно богатым шейхом, но вы будете там в абсолютно здоровом теле, в возрасте этак двадцати пяти лет... Думаю, сопливое детство вас не так уж и интересует, и мы сможем абсолютно безболезненно его пропустить. Можно даже подумать насчёт небольшой форы – отправить вас в прошлое, которое вы немного знаете по книжкам по истории. Знание того, что произойдёт и когда произойдет, поможет вам быстрее адаптироваться на новом месте и не вляпаться куда-нибудь не туда... Единственным моим условием

будет то, что всё ранее произошедшее с вами вы будете помнить и больше никогда не сможете увидеть своих близких... – толстяк замолчал и внимательно посмотрел на Ивана.

– И ещё... Я хочу, чтобы ваше решение было взвешенным и полностью добровольным... Я даю вам на раздумья одни сутки... Завтра в тоже самое время я жду вас здесь у меня и, – он улыбнулся, – постарайтесь не опаздывать в свою новую жизнь...

Иван ошарашенно смотрел на толстяка. Произошедшее не вошло в голову.

– Этого не может быть, ни за что, никогда. Это какой-то бред, – бубнило мудрое подсознание. Но остальные органы чувств были категорически не согласны.

Стоящий перед ним толстяк нахмурил лоб, словно лихорадочно что-то вспоминая, и полез во внутренний карман смокинга, обнажив тёмно-бардовую подкладку, прошитую по краям миниатюрными белыми бусинками. С видом глубокого удовлетворения он достал овальный серый камешек, на котором мерцал значок перечёркнутой английской буквы N кроваво-красного цвета. Это руна Дагаз – руна преобразования, прозрения и просветления. Там её очень любят, – и он выразительно поднял глаза к потолку. – Руна божественного света – да будет день. Ну, да у каждого своя трактовка любого события. Это будет вам лишним напоминанием, что наша встреча была, а то, знаете ли, все мы страдаем склерозом, особенно когда нам это очень нужно.

И он положил серый камешек в руку Ивана.

– Не переживайте. Дагаз – очень светлая руна. Это руна нового дня. Она особенно хороша для новых начинаний. Она является руной преобразования, «руной прорыва», руной процветания. Дагаз указывает на успех, нейтрализует действие негативных рун. Эта руна символизирует счастье от самореализации, равновесие противоположностей, «ясность видения» той мистической реальности, в которой действуют все руны. Так, что, как говорят в народе, не страдай энурезом, прорвёмся... – и он панибратски стукнул Ивана по плечу.

– Да, и вот ещё... Часто бывает, для принятий важных решений нам надо посоветоваться с теми, кто нас хорошо знает, а этих товарищей, когда надо и не бывает поблизости. Особенно это касается нашего второго я, внутреннего голоса, который в очевидных ситуациях бормочет несусветные глупости, а в экстренных ситуациях его не видно и не слышно. Я так подозреваю, что он заранее перебирается в более спокойное место. Ну, так вот! Я вам выдаю, причём заметьте совершенно бесплатно и без каких-либо условий своего кота, Маню... Не возражайте! Кроме вас его видеть никто не будет. Всегда под рукой, начитан – прямо хвостатая Википедия, циничен до безобразия и в отличие от Вашего внутреннего голоса, не идёт ни на какие компромиссы и уговоры – на всё своя точка зрения, будь она иногда не ладна... Маня! Кот приоткрыл жёлтый глаз, потянулся и изящно сделал

заднее сальто приземлился на четыре лапы рядом с Иваном.

– К тому же забыл сказать вам о самом главном его отличии. Он свободно может перемещаться с вами по вашим снам. Обсуждайте, дискутируйте!

– Это что, типа белой горячки... А вот и я, ваша любимая белочка и никуда вы от меня, родимые, не денетесь? – съязвил Иван.

– Ну, что вы, Ваня! Это в высшей степени интеллигентный и порядочный кот! – толстяк иронично посмотрел на Маню. – Всегда знает меру, а если нет, можете дематериализовать ботинком. Это уж он понимает...

Кот невозмутимо подошел к человеку в смокинге и, преданно глядя ему в глаза, неторопливо помочился ему на ботинок. Моча вспыхнула золотистыми искорками и мгновенно испарилась серебряной дымкой.

– Вот видите! На всё своё собственное мнение! – возбуждённо-радостно возопил толстяк, – Берите без раздумий... Срок действия выгодного предложения заканчивается, – он хохотнул.

– Ну, ладно, что-то мы с вами заговорились! Итак, жду вас всех завтра, – и он обвёл их весёлым взглядом. – в то же самое время... Пока!

Окружающее Ивана пространство вдруг как-то передёрнулось, и он оказался перед занавешенным рольставнями павильоном с пришпиленным листком, на котором было отпечатано: «Ушла на базу!». Вокруг суетливо мчались люди с

тележками, невнятный гомон множества голосов раздражающе влезал в уши, в глазах двоилось от обилия горящих в витринах умопомрачительных скидок, а во влажной ладони пульсировал серый плоский камешек с перечёркнутой буквой N, руной преобразования и просветления... В прочем, просветление так и не приходило...

ГЛАВА 2, в которой автор знакомит читателя с ещё одним персонажем торгового центра, странником блаженным Филей.

Знакомство автора с блаженным Филей состоялось, как, впрочем, и всё в этой жизни, буднично-глупо... Почему-то самые важные вещи в нашей жизни случаются до боли обыденно и понимаем мы это значительно позже, ну, а всяким мелочам изменчивая мамаша-фортуна уделяет повышенное внимание, пытаюсь и нас уверить в сакральной значимости происходящего... Да и понимание произошедшего чаще всего приходит спустя некоторое время, оформляясь в нечто, лишь последующими событиями и потугами нашего серого вещества головного мозга... Человечество вступило в двадцать первый век не достижениями в космосе или открытием альтернативных источников энергии, а пышным расцветом разнообразных супермаркетов, представляющих ум, честь и совесть нашей эпохи. Блуждание по магазинам заменило нам всё – радость общения и открытия чего-то нового, смысл зарабатывания денежных средств и обоснование их траты, поиски самого себя и цели жизни. Шоппинг заменил собою всё, обосновав это утилитарной необходимостью

выживания человека в каменных джунглях города, куда он добровольно себя загнал, причём освоив города и пригороды, он постепенно ринулся осваивать глубинку, доселе не испорченную этим новомодным извращением хай-тека...

И так, в тот далёкий день и год я почему-то оказался в одном из достойных представителей плеяды этих кровососов "Ашанов" на шоссе Энтузиастов. У меня с детства почему-то сложилось твёрдое убеждение, что история, особенно отечественная, это такая шустрая тётка с извращённым чувством юмора и непредсказуемым характером, когда тянущееся тысячелетиями состояние диаметрально меняется в несколько дней, причём загадывать и объяснять её метания могут либо дураки, либо гении. Как иначе можно объяснить, что бывший Владимирский тракт ("Владимирка"), по которому шли этапом в Сибирь на каторгу, переименовали в 1919 году в бодрящее сердце и уши «Шоссе Энтузиастов», и теперь десятки тысячи наших сограждан ранним утром спешат на добровольную каторгу в Москву по шоссе с этим замечательным названием. Для смягчения терзаний измотанного непосильной работой населения и облегчения их кошельков, и был выстроен торговый центр под значимым названием «Город», в котором и расположился упомянутый выше Ашан.

Выйдя из ряда касс с полной тележкой непонятно чего, несколько осоловевший и уставший от всеобщего гармоничного бардака милого сердцу супермаркета, я увидел Фила. Подозреваю, что в этой жизни нами руководят наши

подспудные желания и привычки, а не наш отточенный интеллект и острый ум, которыми мы, по своему скудоумию, периодически гордимся. Ослабевший организм, насмотревшись на всё изобилие этой жвачки, банально хотел есть и пить. Фил сидел между двумя вывесками. На одной, на фоне Фольксвагена сиял белозубой улыбкой смазливый жеребец в солнцезащитных очках, указывая пальцем на надпись "Положись на нас!", причём в слове "положись" две последние буквы были закрыты воздушным шариком, так что нас вроде как патриотично призывали положить на немецкий автопром, а на второй вывеске эротично торчала сосиска в тесте с выведенным кетчупом текстом "Мы здесь!".

Филя сидел за отдельным столиком. Он был одет в коричневую потёртую, но опрятную рясу с серыми заплатками на локтях. Из-под рясы сиротливо торчали довольно чистые, но голые ноги. Рядом у стула стояла пара поношенных ботинок, зелёный линялый рюкзачок с надписью «Camel trophy» и гладкая белая палка, обмотанная сверху изолентой. Филя был высок, немного плешив и худощаво-угловат. Узкое лицо с довольно большим носом и небольшой аккуратной бородкой "а-ля мини-лопата" словно улыбалось чему-то своему, длинные худые руки, торчащие из немного коротких рукавов рясы, постоянно были в движении, словно он кого-то ждал и сильно нервничал. Перед ним на столе стояли два высоких стеклянных стакана, в один из которых он положил круглый пакетик с чаем ("прокладки", как он их называл),

а второй стакан был пуст. Кипяток из него благополучно переключался в пенопластиковую коробочку с "Дошираком" и теперь Фил сосредоточенно-медитативно помешивал разваренную вермишель. На столике стояла написанная от руки сложенная домиком картонка "Сидеть – бесплатно, поговорить – 1000 руб." Вся эта картина была настолько диковато-ирреалистична, что я остановился, приоткрыв рот. Невозмутимость и какая-то отрешённая спокойность Фили просто завораживала – человек вне правил и времени, истинный странник, чья цель сам путь, кто сам – путь. Невероятно, но казалось, он статичен и постоянен в этом пёстром балагане окружающего переменчивого мира, как окаменевший фундамент старого здания, на котором возводятся все последующие новые сооружения, этакий невероятный базис старого нового мира, забавный в своей нелогичности и неуместности, но от этого ещё более влияющий на все происходящие сейчас события...

Желудок, однако, в отличие от мозга, жил своей утилитарной жизнью и нетерпеливо бурчал в ожидании отнюдь не духовной пищи. Милое существо из-за стоявшего рядом прилавка, взглянув на меня так, словно собралась отдаться прямо на плите между салатами и курами гриль, душевно произнесло хриловатым голосом: – «Что будете заказывать?..» Меня всегда интересовало, когда появляется у официанток этот взгляд с улицы красных фонарей – в процессе работы в бистро или их обучают более опытные "товарищи" в про-

цессе работы.

«Не надо тратить время на лишние разговоры, давайте накладывать всю эту вкуснятину прямо сейчас, немедленно», – заголосил желудок, получив экстренное послание от глаз и носовых рецепторов. В процесс запоздало вмешалась голова с калькуляцией жиров, белков, углеводов, а также калорийности и ценового диапазона. Совместными усилиями был отобран салат Цезарь, картофель по-деревенски с вялой колбаской-афродизиак и компот, в котором словно рыбки в аквариуме, беспокойно плавали взволнованные сухофрукты. Уместив весь этот завтрак аристократа на подносе и повернувшись к столикам, я понял, что они все заняты и старушка-судьба предлагает мне попробовать примоститься по-трапезничать с этим колоритным фанатом Доширака или, в противном случае, стоя. Подойдя к столику и ещё раз взглянув на кусочек картона с "поговорить – 1000 руб.", я вопросительно кивнул на свободный стул и получил в ответ изучающий доброжелательно-внимательный взгляд и молчаливый приглашающий жест рукой. Филя закончил священнодействовать со своей вермишелью и полез в свой рюкзак. Откуда был извлечён маленький свёрток, в котором оказались две алюминиевые ложки – большая суповая и чайная. Он аккуратно протёр их об тряпочку, зачем-то посмотрел на свет, и, словно раздумывая, засунул маленькую в чай. Большая же благополучно пришла на смену пластмассовой вилке, которой он мешал Доширак. Завершив это священнодействие, он

замер, сосредоточенно уставился в свой лоточек с вермишелью и что-то благоговейно забормотал. Как оказалось позднее, это был отрывок из 38 псалма: – "Услышь, Господи, молитву мою, и внемли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим. Ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои. Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду, и не будет меня. " Почему именно этот отрывок был для него так важен, осталось загадкой, но подобный ритуал он совершал всегда перед едой, когда мы потом ели вместе... Пережёвывание того, что Бог послал, проходило в сосредоточенной тишине с обеих сторон. Я почему-то суетливо достал из сумки купленный ранее в Ашане багет с чесноком, разломил его пополам и жестом предложил Филе. Филя немного недоумённо несколько раз перевёл взгляд с багета на меня и обратно, потом его глаза озорно вспыхнули и он пальцем подвинул ко мне одну из двух боевого вида потрёпанных конфет, лежащих у его стакана с чаем. Он взял кусок багета и с видимым наслаждением понюхал мягкий хлеб, зажмурив глаза от удовольствия, потом, покосившись на табличку, что невнятно пробормотал и убрал её со стола в свой рюкзак.

– Фил, – представился он, и почему-то добавил: – Русский... Паломник...

Так я познакомился со своим будущим другом Филом, которого ныне представляю и Вам, уважаемый читатель...

Часто, называя кого-то своим другом, мы совершенно не

придаём значения этому затасканному человечеством слову. Действительно, слово ДРУГ – существительное, одушевлённое, мужской род, 2-е склонение, единственное число. Из всего этого самое, пожалуй, важное, что он, друг, одушевлённый и в единственном числе. Довольно часто мы путаем приятелей и друзей, и только в критических для нас ситуациях начинаем понимать всю разницу этих слов. Друг бескорыстен по определению, как и все влюблённые в тебя, он доверчив, искренен и близорук в отношении твоих многочисленных недостатков. Самое забавное, что и ты становишься таким же милым идиотом, причём, совершенно добровольно и навсегда. Счастлив тот, у кого есть хотя бы один друг, значит он уже не один и кому-то на этой большой планете ещё нужен...

История жизни Фили оказалась довольно запутанной и необычной. Родителей своих Филя совсем не помнил, всю юность провёл в детдоме под Красноярском, в который попал пятилетним ребёнком. Какая-то добрая душа оставила его возле детдома, привязав точно собачку к металлическим воротам. Стоял декабрь, и сколько времени провёл Филя на морозе никто не знал. Обмороженного ребёнка в общем-то спасла няня, услышав ночью как кто-то тихо плачет на улице. С тех пор у Фили остался периодический надрывный кашель, хриплый, словно прокуренный, голос, хоть он никогда не курил, и нелюбовь к зимним морозам. С ним была записка – корявым почерком было выведено, что он сирота и

зовут его Фил... , далее кусок газеты намок, и то ли это Филипп, то ли Филимон, то ли ещё как, не было понятно, по-сему, не мудрствуя лукаво, директор детдома при оформлении документов оставил это имя, а фамилия стала Красноярский. Таким образом, Фил Красноярский вошёл в официальную жизнь Советской страны. Следует заметить, что в существующей тогда графе национальность долго не было записи, воспитательница говорила, что в ту пору в тех краях видели цыганский табор. Была мысль, что больного ребёнка, который стал не нужен, подкинули они, но так как на цыгана он был не похож, а с возрастом ни раскосых глаз, ни потемнения кожи не появилось, то через некоторое время в графе национальность появилась запись – русский...

Говорят, что родственную душу определить довольно просто. Это человек, с которым комфортно молчать. Довольно часто мы общаемся с людьми, которые нам совсем не интересны и за потоком пустой болтовни умело, как нам кажется, прячем своё равнодушие к неинтересному нам собеседнику. Наступившие паузы становятся жутко неудобными, словно мы подглядываем за чем-то очень неприличным, тщательно скрываемым от нас. Молчание действительно золото, но только с родственным по духу человеком, средство, замещающее многословие пустых фраз и ненужных поступков...

Молчание с Филом было уютно. Мы спокойно ели, добродушно поглядывая друг на дружку, также молчаливо оси-

лили ещё один багет. Съев Доширак, Филя тщательно отёр большую ложку, помешал маленькой сахар в пластиковом стаканчике с чаем и, так же тщательно её вытерев, завернул их в тряпочку. Что-то пробормотав одними губами, он сказал вслух:

– Ну, вот, поели, и слава Богу! – и блаженно улыбнулся.

– Думаешь иногда вот, много ли человеку надо, – сказал он, обращаясь ко мне – но вот когда только поешь, так первые минуты просто благодать. Желудок отключает все иные пожелания – только сытость и тишина, но вслед за этим, через часок, появляются и новые потребности – и то хочу, и другое, а потом, через некоторое время, как опять проголодаешься, весь кругозор опять сжимается до одной только мысли – пожрать и только пожрать. А вот выдержишь несколько дней без харчей, начинаешь к еде спокойно относиться и можно услышать – чего твоя душа иногда желает. В этом то и весь смысл православного поста...

– Есть, правда, одна притча... – Филя хитровато улыбнулся. – Жил-был когда-то один человек. Был он, впрочем, как и все мы, вроде бы и не хороший, и не плохой. Старался поступать по совести, правда, почему-то довольно редко это получалось, но как только приближался Великий Пост, он начинал суетиться, всё хотел молитвы почитать, в церковь сходить и всё собирался начать поститься, сначала хотел в первый день, потом со середины поста, потом хотя бы в последний день... Да только все вокруг говорили: – Куда ты

всё спешишь, успеешь ещё. Здоровье побереги! У тебя ещё всё впереди! Так он и жил, никуда не торопился – а зачем спешить, если вся жизнь впереди. Будет ещё пост, и молитвы почитает, и в церковь ходит... Но как-то однажды утром разбил его инсульт, и оказался он прикованным к кровати. И оказалось, что всё уже давно позади и спешить уже некуда, да и сил уже нет. И возопил он: – Да как же это так! Что ж вы все раньше меня останавливали! Вы во всём виноваты! Да только услышал он в ответ: – А что же ты сам никогда ничего не делал?!

Фил немного помолчал:

– Только не надо поститься с видом великомученика, слишком далеко нам всем до них. На иных посмотришь, так у них не пост, а общественное мероприятие с группой поддержки, освещением в прессе и благодарными речами. Живо обсуждают, кто сколько в тарелку не доложил и сколько часов уже постится... Смех и грех! Пост ведь дело сугубо личное, это твоя нужда, а не общественная... А моды-то унылы, словно истязают его месяцами враги-фашисты, а он, родимый, из последних сил держится...

А ведь ещё Христос сказал «так же когда поститесь, не будьте унылы»... Ведь пост нужен не Богу, а тебе. Бог не изменяем, и только ты сам сами можешь измениться в лучшую сторону. Не сотвори себе кумира, а еда стала нашим идолом, едим не для того, чтобы утолить голод, а тешим свои вкусовые рецепторы, а ведь ещё Матфей-евангелист писал – не

хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих...

Филя закручинился... Но потом вдруг лукаво улыбнулся и сказал:

– Ну, вот, как поешь, так и самое время на сытый желудок о посте поговорить! На голодный-то эта тема как-то не идёт...

Как я позднее заметил, отношение окружающих к Филе было двояким – его или активно не любили, таких людей было подавляющее меньшинство, или же просто боготворили – это были оставшиеся. Равнодушных, как ни странно, просто не было.

Причём, эта самая нелюбовь одних была очень своеобразной – так мы не любим человека, обличающего нас, хотя сердцем понимаем, что неправы, что всё абсолютно так и есть, но эта самая гордыня, какая-то внутренняя боязнь признать очевидную правоту его слов, побуждает нас к отрицанию своего собственного отражения в зеркале. Но самое, пожалуй, ужасное, это наши поступки. Поступки, осознавая всю неправильность, всю мерзость которых, мы всё же совершаем, повторяя при этом, как мантру, что мы всё равно самые расчудесные и прекрасные... Филя чувствовал таких людей и часто отказывался от их помощи...

Однажды один из таких людей, когда Филя вернул ему брошенную под ноги сторублёвку, в сердцах произнёс:

– Ну, и что ты, жалкий идиот, выпендриваешься!

На что Филя смиренно произнёс:

– Вы абсолютно правы, уважаемый. По-гречески идиот – человек, живущий в отрыве от общественной жизни, не участвующий в общем собрании граждан своего полиса и иных формах государственного и общественного управления. Да, грешен, по этому определению я он самый и есть. Но вы ведь не такой! Вы умный, интеллигентный человек. Вот вы ведёте за руку ребёнка, в школу, наверное, но я, всё же, не рискнул бы назвать вас педагогом, хотя по-гречески дословно это «ведущий ребёнка». Правда, так называли отнюдь не учителя, а раба отводящего ребёнка в школу. В Греции в педагоги выбирали рабов, непригодных для какой-либо другой работы... Так, что простите идиота!..

Уважаемый был страшно ошарашен и смущён, позднее он стал одним из преданнейших почитателей Фила, у которых он периодически останавливался, когда возвращался из скитаний в престольную...

Однако, это скорее исключение, очень многие люди бескорыстно любили Филю. Для них он был светом в окошке. Так, наверное, радостен грешник после исповеди. Ведь он не только осознал свои грехи, но и, самое, пожалуй, главное, нашёл в себе силы покаяться в этом, озвучить всему миру и, прежде всего себе, свои собственные ошибки, желание встать на путь исправления., что подразумевает не только воздержание от зла, но и совершение добра. Как часто, мы, несмотря на всё свою житейскую мудрость, живём эмоция-

ми. Эмоции главная движущая сила нашей жизни, они просты и естественны, не заставляют задумываться до головной боли и не требуют титанического напряжения, они органичны для нас и поэтому редко вызывают чувство сожаления от содеянного. Во многом они – подспудное отражение жизненного опыта, отмеряемого внутренним метрономом, наша уверенность в ожидании последующих событий и произвольное деление всего мира на плохое и хорошее. Как бы то ни было, Филя почти всегда вызывал какое-то необъяснимое доверие, вся его убого-гротескная внешность, в общем-то не имела особого значения. Она была вешкой, которую видел медленно бредущий по болоту жизни, и он бросался к ней, потому что его внутреннее убеждение кричало, что вот оно, вот то, что тебе нужно, что ты искал и не находил, в существование чего ты верил, но никогда не мог встретить, хотя и очень, очень старался... Он часто говорил, в общем-то, обычные вещи, наверное, банальности, по мнению равнодушного прохожего, если бы он соизволил в это время остановиться и послушать его речи, но, по большому счёту, всё говоримое здесь, в этом мире лишь набор слов, набор звуков, хаотично тасуемых, словно карты, матушкой природой. Однако иногда лишь одна фраза, одно слово, может поменять для нас этот мир, преобразовать его в нечто совершенно иное, сделать нас и окружающих совершенно другими и, именно таким волшебным преобразователем и был Филя. Я не знаю, для чего Бог создал юродивых. Для

посрамления ли нашего мира, мира таких умных самовлюблённых идиотов, знающих всё обо всём, но почему-то постоянно оказывающихся дурачком положения? Или же это милосердная помощь Бога в виде духовных костылей, подаваемых в трагические минуты нам, неразумным? Наверное, это останется тайной, тайной между человеком и его создателем... И ещё, от самого человека требуется порою некоторое усилие, шаг навстречу, преодоление некоторых условностей, понимание своей ограниченности и смирение в принятии помощи. Только тогда помощь будет действенной и полезной... Только тогда она придёт...

Глава 3. В которой читатель узнаёт о пользе московских пробок, а Иван с Маней едут домой.

После всего произошедшего сегодня с ним, также спокойно бродить по торговому центру Иван уже не мог. Мысли и образы лихорадочно меняли друг друга, фантастическим калейдоскопом кружась в пухнувшей от напряжённой работы голове. Реальность никак не хотела занимать положенное ей место, а внутренний голос полностью капитулировал и скрылся в неизвестном направлении, не пожелав иметь со всем этим ничего общего.

Как часто в критических ситуациях помощь приходит откуда не ждём. Вернее знаем, но всё равно не ждём. Условные рефлексy – наследие сотен поколений предков, которые вполне справедливо чихали на Ванины проблемы, и которым вполне с головой хватало своих собственных, всё же не могли оставить представителя грядущего поколения в беде. Мозг послушно отключился, сразу стало легче, и Иван начал суетливо проталкивался к выходу на парковку... Вот ведь говорят – человеческий мозг венец эволюции, таран природы для новых свершений! И ничего подобного, сколько наших братьев по разуму благополучно доживают до почтенной старости и при этом превосходно себя чувствуют. А жен-

щины? Если бы все они включали мозг при входе во все эти торговые центры? Всё! Конец торговле и неминуемый закат человечества, как вида... А вы говорите!..

Обернувшись, Иван увидел краем глаза, как за ним жизнерадостным тараном чешет Маня, ловко обходя препятствия, уклоняясь от ног, сумок и жизнерадостных детишек с дурацкими надувными шариками и носами, погружёнными в эскимо. Впрочем, судя по всему, его всё равно никто не видел, правда, несколько чихуахуашек, висящих под мышками пробегающих хозяек, видимо почувствовали его и завертели головой с выпученными, как у лягушек глазами, а одна даже нерешительно тявкнула. Через десять минут мельканий эскалаторов и бесчисленных дверей, запах пота тысяч покупательских тел, слегка сдобренный контрабандным дешёвым парфюмом, остался позади. Подземная парковка встретила наших героев рядами угрюмо стоящих машин, единичными парочками с тележками, бродящими по парковке с открытыми ртами, как грибки в лесу, и извечным вопросом в глазах «и куда же я её поставил». Впрочем, поиск уснувшей где-то на парковке ласточки порою весьма привлекателен. Первое, можно с уверенностью выяснить свою и попутчиков степень склероза, не делая скидку на пол и возраст, во-вторых – сразу видно твоё отношение к машине, когда засовывая ключ в замок багажника, можно услышать крик жены, что это не наша машина, так как она слишком чистая, ну, а в третьих, не обнаруженная на своём вроде бы месте ма-

шина, лишний повод поугагать страховую компанию и милицию. Ну, а сколько неподдельной радости, когда она всё же найдётся...

Ивану, правда, повезло. Машина стояла рядом с выходом, на месте предполагаемого района поиска, да и доступ к водительской двери не был заставлен добрыми людьми, так что влезать через форточку задней двери оснований не было. Стоявшие в тамбуре возле дверей продавцы, если бы отвлеклись от увлекательного процесса курения, могли бы стать свидетелями забавной картины. Иван, подойдя к машине, сначала открыл переднюю пассажирскую дверь и приглашающим жестом запустил Маню:

– Прошу, сэр! Только лапы протрите, не то в багажник!

На что, Маня снисходительно бросил реплику, что мол у некоторых хвостатых ноги чище задницы некоторых двуногих, и вообще, грязь этого мира к котам типа Мани не прилипает... – и царственно взобрался на пассажирское сидение.

Вздыхнув, и в сердцах хлопнув дверью, Иван поплёлся к своему месту. Всё сегодня не так, даже коты хамят в своей собственной машине. Куда катится этот мир?!

Впрочем, попав в свой автомобиль, Ваня немного успокоился. Что и говорить, жизнь, протекающая в столичных пробках, приучает отождествлять машину с домом. Ведь только дома, обретя наконец-то собственный status quo, человек может успокоиться и рассуждать здраво и взвешенно. Машина становится продолжением тех самых стен, которые

помогают, захлопнув двери которой, он, наконец, обретает границы своего «я», и из которого так приятно порою смотреть на окружающий тебя мир...

Маня вальяжно перелез на переднюю панель, где из сопел потянуло тёплым воздухом, вытянулся и, прикрыв глаза от удовольствия, бросил: – Трогайте, уважаемый!

Иван, злобно зыркнув на наглого кота, резко нажал на педаль газа, и выехал с парковки.

– Но, но! Ямщик, не гони лошадей! – отозвался Маня. – Спокойствие – основное, что нужно для наведения порядка в делах и мыслях. Малыш, самый большой беспокойный идит живёт внутри нас самих. Он то и мешает нам нормально существовать, а ведь только в спокойной воде можно разглядеть своё отражение, увидеть себя. Хотя, – Маня хмыкнул, – Достичь внутреннего спокойствия достаточно легко, будучи монахом где-нибудь в Гималаях, а вот сделать то же самое в трущобах мегаполиса – задача ещё та...

– Господи! Кот-буддист! – вздохнул Иван.

– Ваня! Надо слушать умных лю... – кот замялся. – котов! Ты ведь даже не догадываешься сколько мне лет. Так, что прислушивайся к голосу вечности! – и кот горделиво отвернулся, впрочем, тайком косясь на Ивана в полглаза и радуясь произведённому впечатлению...

– И сколько тебе... Вам... лет? – ошарашено произнёс Иван. – Сто? Двести?

– Бери больше, гораздо больше... – кот горделиво надул-

ся. – В моих глазах тебя приветствует вечность!.. – и, взглянув, на оторопевшего Ваню, торопливо добавил. – За дорогой следы, Шумахер, а то не доедешь!

Ваня с трудом переваривал сказанное котом. Всё произошедшее сегодня не влезало ни в какие рамки. Всё его существо кричало, что это невозможно, иррационально и вообще...

– Маня, а ты Бога видел? – вдруг хрипло ляпнул он.

– Христа? – Маня скорбно взглянул на Ивана. И задумался. – Видел, правда, мельком... Я тогда у Агасфера ошивался...

Маня надолго замолчал.

– Я лучше расскажу тебе про Агасфера... Я его неплохо знал...

Агасфер был евреем. И этим всё было сказано... Он был соткан из противоречий. Болезненно самолюбивый и одновременно неуверенный в себе, остерегающийся всех и вся, ожидающий от других подвоха и постоянно мятущийся в прокрустовом ложе своего одиночества. Его отношение к жизни было, можно сказать, философским. Он её любил, когда она была к нему благосклонна, и терпеливо ждал, тихо ненавидя, когда чёрная полоса её нелюбви всё-таки закончится. Впервые я его встретил, забежав в его маленький дворик, спасаясь от распустившихся иерусалимских собак. Иерусалим был тогда большой помойкой, заваленный нечистотами и кликушествовыми проповедниками. Каж-

дый из этих людей слышал лишь самого себя, в упор не видя стоящего рядом, каждый знал Истину, открытую и ведомую лишь ему, человеческая жизнь не имела особой цены, а бесполокность существования не бросалась в глаза только идиоту. Смешение римлян, пытавшихся приспособить этот город для себя, и жителей, интуитивно сопротивляющемся этому, постоянно поддерживало ситуацию на уровне кипения, превращая Иерусалим в какой-то прифронтной город... Ага-сфер не одобрил моего вторжения в свой мирок, запустив сучковатым поленом, едва не прибавив меня, а заодно и слегка травмировав мою поэтическую душу, всегда верующую в человеческую доброту. Однако я быстро договорился с этим плешивым евреем, принеся к его ногам парочку придушенных мышей, чем вызвал его весьма неподдельный интерес и уважение. У нас установился взаимовыгодный нейтралитет. Я периодически приносил ему пойманных в его доме мышей, а он делился со мною частью оставшихся объедков, довольно часто не особенно-то и съедобных. Он любил свою старую мать, вечно бурчащую о преимуществе старых времён, когда вода была – водой, евреи – евреями, а она не ведала о болях в голове и пояснице. Впрочем, это особенно никого не раздражало и относилось окружающими к таким же явлениям природы, как дождь или ветер. Никому ведь не приходит в голову возмущаться по поводу их наличия в этом мире! Ещё у него была жена – тихое, кроткое создание, вечно молчащее в ответ на несправедливые порою упрё-

ки, но создающая какой-то необыкновенный уют в этом маленьком, тесном доме, потихоньку прикармливающая меня в отсутствие мужа. А ещё у Агасфера была маленькая дочь. Пугающе бледная, на фоне загорелых домочадцев, постоянно подкашливающая худенькая девочка десяти лет отроду с огромными чёрными глазами, глубиной ночи Иерусалима, и длинными тонкими, почти прозрачными пальцами... Она часто сидела возле окна, так как была очень слаба и не могла играть с ребятами. Отношения между детьми довольно часто жестоки. Я часто наблюдал, как резвящиеся сверстники, играющие на улице, кидались в окно, у которого она сидела, кусочками грязи. Её слезы ещё более раззадоривали их и только появление Агасфера с палкой успокаивало на некоторое время разошедшуюся детвору. Помню сколько удовольствия я получил, вцепившись в икру одного из малолетних негодяев. С тех пор их нападения стали значительно реже и, увидев меня они, они мгновенно ретировались, а по всей окраине пошёл слух, что у Агасфера появился, какой-то ненормальный кот. До сих пор вспоминаю сколько приятных часов провёл я, лежа на коленях у дочки Агасфера. Никто ещё так ласково не чесал меня по животу и за ушами, ничьи руки не были так нежны и ласковы, и ничья доброта так явственно не ощущалась всеми окружающими...

Сам Агасфер считался в Иерусалиме чудаком... Думаю, его нелюбимость заключалась не в презрении или нелюбви к окружающим, а в том, что у него не было особой потребно-

сти в общении с ними... Он был другим. Часто молча сидел на пороге своей хибарки и смотрел на заходящее над Иерусалимом солнце, медленно садящееся за развалины у старой крепостной стены, или, встав на рассвете, бесцельно бродил по пустому, ещё только просыпающемуся городу, наслаждаясь только ему понятной тишиной. Это был другой город, город, принадлежащий лишь ему одному. Покорно-тихий, прохладный и ещё какой-то полусонный, на развилке сна и суетного дня...

Агасфер был самодостаточен в своём одиночестве, его давила эта шумная, агрессивная толпа, занимающаяся непонятно чем, обсуждающая всех и вся, неумолимо раздавливающая людей и их судьбы... Он уставал от людей, ему было достаточно своей семьи, жалкого разваливающегося дома и Солнца, встающего над Иерусалимом.

Формально он не был религиозен. Его не очень часто видели в храме, и он был немногословен в своих молитвах. Впрочем, некоторые говорят, что в молчании праведника слышно дыхание Бога, но мне почему-то кажется, что он, как все мы, ждал встречи с ним, но, как и все мы, оказался к этому совсем не готовым... Впрочем, что-то я отвлёкся...

Тот день не задался с самого начала... С утра, как я помню, в доме стояла ругань... Агасфер, проснулся не в духе. Он был сапожником. Редкие заказы выполнялись им тщательно, но чересчур долго, поэтому к нему и обращались лишь те, кто особенно не торопился. Другим его пунктом бы-

ла пунктуальность, довольно странное сочетание черт. Однако, если он говорил, что обувь будет готова к такому-то дню, то в этом можно было не сомневаться... Весь шум в тот день происходил из-за того, что жена не успела помыть готовую обувь, а заказчик должен был вот-вот прийти. В это то время и появилась соседка, которая принесла кучу свежих новостей... Вот уже несколько дней Иерусалим пребывал в смятении. Римляне схватили очередного бродячего проповедника по имени Иисус, который выдавал себя за Бога. Как обычно, подсуетились и местные священники-иудеи, ревностно взиравшие на пытающихся. по их мнению, лишить их денежных поступлений паствы. Но здесь, всё пошло не так... Мнения людей разделились. Разделились диаметрально. Часть, не видевших и не слышавших его, были уверены в том, что он обманщик и требовали сурового наказания, другая часть, хоть как-то соприкоснувшаяся с ним, была очарована, но большая часть считала его блаженным, святым человеком, не представляющим никакой опасности для окружающих, а небольшая кучка его учеников, так и вообще Живым Богом. Поговаривали, что даже сам Пилат, римский прокуратор Иерусалима, был благосклонен к нему и даже провёл этим вечером в беседе с ним три часа, что Иисус спас от смерти его старого верного боевого пса, на которого, по недосмотру, напала свора псов нового полка легионеров, накануне прибывших из Рима. Старый пёс умирал на руках прокуратора, истекая кровью, когда привели этого бродяче-

го проповедника. Мутные глаза пса внезапно просветлели, и он лизнул руку подошедшему человеку, оставляя клочки кровавой пены на его кистях. Оторопевшие легионеры изумлённо молчали. Даже в таком состоянии, пёс не позволял никому приближаться к прокуратору, глухо ворча. Это же человек положил руку псу на голову и что-то зашептал ему на ухо. Какое-то понимание вдруг засветилось в глазах старого пса, раны перестали кровоточить, а стиснутое судорогой тело обмякло на руках у Пилата. Иисус стоял на коленях, его голова была вровень с головой пса, тихий умиротворяющий шёпот отделил их от окружающего пространства, время словно застыло глыбой гранита, покорно изменив свои свойства по его желанию... Пёс был спасён и на следующий день, правда весь перевязанный, привычно лежал возле кресла прокуратора Иудеи, периодически рыча на подходящих...

Говорили также, что весь синедрион, в полном составе ходил к Пилату, требуя казни этого проповедника, и что такой ненависти к кому-либо никогда не было у этих людей. Накануне, Агасфер был в храме и после общения со служками вынес глубокое убеждение, что этот проповедник глумился над их верой, а потому хуже вора или разбойника, так как по убеждению Агасфера единственное, что оставалось у бедного люда в то время – была их вера. Потому-то и не обратил он особого внимания, на причитания соседки, что сегодня на горе Голгофе должны распять этого проповедника вместе с двумя другими разбойниками...

Надо сказать, что Голгофа в то время редко пустовала и довольно часто осуждённых вели мимо дома Агасфера. Казнь во все времена привлекала толпы зевак. Удивительно, но смерть часто привлекает людей. Страх перед нею и осознание её неизбежности словно магнитом тянет к себе людей. Это словно дорогая одежда, которую они не могут позволить себе пока примерить, но с жадностью смотрят, как выглядит она на других, словно пытаясь понять куда уходит жизнь из этих угасающих глаз, где тот порог за которым человек становится куском парного мяса, где грань отделяющая их от вечности и что вычеркнет их из мира живых людей...

Агасфер в этом отношении был другим. Ему совершенно не нравилось происходящее, а умирающие люди, жалкие в своей беспомощности, вызывали острое желание отстраниться и забыть виденное. Он был словно ребёнок, гонящий прочь всё связанное со своими страхами, и видящий в мире только его положительные стороны...

Все видели, как Иисус, окровавленный и мокрый, обессиленно прислонился к каменному дому Агасфера, оставляя кровавые разводы на стене. Как они в течение нескольких минут о чём-то тихо говорили, пока центурионы вновь плетью не погнали пленника на казнь. При этом Агасфер, шумно возмущался и возбуждённо махал руками. Самые внимательные заметили, как нервно ходил из стороны в сторону его кадык и тряслась нижняя губа – Агасфер всегда,

когда волновался, сильно заикался и, смущаясь, начинал суетиться и нервно жестикулировать. Окровавленный Христос был измучен, но как-то торжественно спокоен и что-то обессиленно прошептал Агасферу в ответ. Причём, чтобы услышать его слова, Агасферу пришлось наклониться ухом прямо к его окровавленным губам. Что это были за слова никто так и не узнал. Говорят, что в ответ на возмущение Агасфера по поводу запачканной кровью стены дома и его слова: – «Иди, чего медлишь, на обратном пути отдохнёшь!» Иисус сказал: – «Я уже пришёл, а ты будешь идти вечно и не будет тебе ни смерти, ни покоя»!.. И он ушёл, ушёл избиваемый сыто рыгающими центурионами, под улюлюканье разношёрстной толпы. А Агасфер внезапно понял, что произошло что-то неправильное, неверное и непоправимое в своей сути, что они так до конца и не поняли друг друга, что он не договорил с этим самым главным человеком в своей жизни, и что вся дальнейшее его существование будет попыткой исправить эту роковую ошибку. Он, будто во сне, бросился в толпу зевак, спешащих на казнь, пытаясь догнать этого ЧЕЛОВЕКА... Но всё было тщетно. Римляне вяло-ожесточённо отгоняли зевак копьями, стараясь быстрее закончить все свои дела до полуденной жары... Интерес к этому событию угасал. Было понятно, что проповедник осуждён и вопрос его смерти – вопрос нескольких часов. Число верующих в него стремительно таяло с каждым его мучительным шагом по улицам этого старого города. Город и его жители

уже отвернулись от него, переместив его в разряд прошлого, равнодушно взирая на агонию этого человека. Даже зеваки, казалось, устали от всего происходящего, желая, чтобы побыстрее всё закончилось, и они смогли бы нырнуть в прохладу кабаков, посудачить о виденном, чтобы все неприятности этого дня побыстрее растворились в горячем чае и приятной беседе...

Маня замер, а потом вдруг что-то замурлыкал. Иван удивлённо воззрился на него.

– Старая песня на древнееврейском, – пояснил Маня.

– «...Почему твои камни так белы, Иерусалим?

Чтобы кровь праведников была лучше видна на них!

Почему твои улицы по ночам так тихи, Иерусалим?

Для того, чтобы стоны праведников были лучше слышны!

Почему я не могу забыть тебя, Иерусалим?

Потому, что часть твоего сердца навсегда осталась здесь!

Почему так больно мне, Иерусалим?

Потому, что ты не можешь ничего поделать с этим!..»

И ты знаешь, Ваня, самое удивительное в том, что, Вы, люди становитесь слепыми и глухими по своей воле. Все, соприкасавшиеся с Христом, чувствовали его удивительную ауру. Многие видели его чудеса и с некоторыми они произошли лично, и всё-таки все эти люди или отворачивались от него, или делали вид, что ничего особенного не случилось. Их память моментально услужливо стирала произошедшее, переименовая слово «чудо» в «случайность». Их неблаго-

дарность была просто паразитической, а неистовое желание видеть мёртвым своё спасение просто обескураживало. Бог был им совсем не нужен, их богами были самые низкие собственные чувства – алчность, жадность, чревоугодие, похоть и гордыня... Они были рядом с чудом и упорно не хотели видеть его. Ваше слепота порою удивительна. И это касается абсолютно всего. Я часами мог валяться брюхом кверху, рассматривая удивительную синеву неба Иерусалима, а вы месяцами не видите неба, поднимая голову только тогда, когда какая-нибудь птица нагадит вам на голову или пойдёт дождь. И всё время вопите – дайте мне веру, дайте мне чудо, чтобы подкрепить веру, а получается, что это вам абсолютно не нужно. Вы как ребёнок, упорно отворачивающийся от ложки манной каши, которую пытается ему всунуть сердобольная мать, и которая жизненно необходима ему самому. Вы завидуете всему красивому, вас раздражает доброта другого не касающаяся вас, вы, как обожравшиеся свиньи, глухи и слепы ко всему окружающему, если у вас всё хорошо, и вам нужна достаточная мотивация, чтобы совершить самое пустяшное хорошее дело. И я категорично настаиваю, что Господь создал вас не по своему образу и подобию. Я видел Христа, избитого и искалеченного вами, но он был совсем иным. В его глазах светилась доброта и понимание. Это глаза матери, смотрящие на своего непутёвого ребёнка, прощающего ему всё, вне зависимости от глубины его падения и степени его вины. Единицы из вас могут отразить этот свет,

и, думаю, только благодаря этим людям вы ещё живы...

Маня отвернулся, и как-то сердито уставился на плетущиеся рядом ряды машин. Его затылок выражал мировую скорбь, расстроенное и сожаление. А Ваня вдруг почувствовал себя предметом труда десятков поколений ассенизаторов. В салоне повисло молчание – возвышенно-сердитое со стороны Мани и подавленно-покаянное со стороны Ивана. Ваня вдруг почувствовал, как у него от стыда стали горячими щёки и уши, а Маня, не поворачиваясь, выдал:

– Стыд, Ваня, это хорошо! Это, пожалуй, самое лучшее чувство в человеке, потому что оно будет вечно спать в человечестве совесть. Что бы там ни говорили, но у любого животного есть страх, любовь к своим детям, ненависть к врагам и «хакуна матата» после хорошего обеда. Единственное, чем обделил зверей Господь, это совестью, то, что есть только у человека. Да, такой неудобный и ненужный дар, но только тогда, когда он просыпается, человек становится человеком, и только тогда в мире творится добро. Помни об этом, Ваня, и тогда все твои поступки будут хорошими и рядом с тобою всегда будет этот человек из Назарета, ведь он всегда рядом с настоящими людьми...

ГЛАВА 4, в которой Фил знакомится с двумя Александрями Сергеевичами, и узнаёт кое-что новое о фамильной истории Пушкина.

Фил вынырнул из чрева метрополитена на станции Пушкинская. Общеизвестно, что метро это особая, таинственная часть жизни каждого москвича. Вроде, как своё собственное тело, которое ненавидишь всеми фибрами души во время болезни, но без которого никак не обойтись. Так уж сложилась столичная карма, что сколько бы ни строили в этом славном городе дорог – всё равно мало. Размножение автотранспорта в геометрической прогрессии моментально перечёркивает победные реляции московского руководства и даже махровый автомобилист, фанатично преданный своему четырёх колёсному лупоглазому коню, нет-нет да и опустится в это подземное царство. Да и, шутка ли сказать, первое своё слово малыш часто учит по сакральной надписи в вагоне, первые неосознанные объятия случаются в сумасшедшей толчее вагона, все свежие новости, пульс города, да и страны, ты сможешь услышать от интернациональных попутчиков по сабвею. Здесь возможно абсолютно всё – встреча с

другом, которого не видел уже добрую тысячу лет, вынужденный тест-драйв свежесброшенного телефона, по которому пробежит сотня спешащих в неизвестность людей, знакомство с подарком судьбы, который прибила людская толпа прямо в твои объятия. А сколько нового доступного всем органам чувств – это и ароматы всевозможного парфюма, стройными рядами в виде людей-тестеров проходящие мимо, и растопыренные руки хватающиеся за всё, что попадётся при внезапном торможении... А привычная гимнастика для зрительного аппарата в виде мелких надписей разнообразной рекламы, обогащающей твои познания о тех предметах, которые ни в жизнь не привлекли бы к себе своё твоё внимание.

Впрочем, достаточно большое число поклонников дзен ежедневно просто медитативно переносятся из одного конца города в другой, терзаемые лишь одной мыслью: «ну, и зачем мне всё это надо». И, судя по тому, что они появляются в метрополитене на следующий день, видимо, так и не могут найти ответ на этот животрепещущий вопрос...

Итак, Фил вынырнул, словно Иона из чрева Кита, на станции Пушкинская. Довольно давно это был один из самых великолепных уголков старой Москвы. На этом самом месте стоял необычайно стройный, изящный Страстной монастырь, построенный в стародавние года на месте встречи москвичами у ворот Белого города Страстной иконы Божией Матери. Его стены нежно-сиреневого цвета тепло розове-

ли при восходе неторопливо всходящего солнца, постепенно зажигаясь своими маленькими солнышками золотых луковок с крестами, а в пасхальную ночь, большой колокол Страстного монастыря первым откликнулся на благовест колокольни Ивана Великого, давая тем самым сигнал к началу праздничного звона всех монастырей и церквей Москвы. В начале, тогда ещё Тверского бульвара, лицом к этому монастырю, среди многоруких фонарей возвышалась застывшая фигура Поэта, со слегка задумчиво склонённой головой, рукой, небрежно засунутой за борт сюртука, в элегантном гармонично-складчатом плаще со шляпой в левой руке, отведённой за спину. Одна нога, словно продолжая шаг, будто соскальзывала с пьедестала, создавая впечатление, что ещё мгновение и Александр Сергеевич пойдёт дальше, словно торопясь быстрее сесть за стол, чтобы записать только что пришедшую ему в голову мысль...

Этот памятник, остаётся одним из немногих в своём роде, ведь деньги на его изготовление по инициативе выпускников Царскосельского лицея, в котором учился Пушкин, собирала вся страна. В память о друге... Они действительно считали его одним из них, хотя прошло несколько десятков лет и это были уже другие лицеисты... Но он всё-таки оставался их другом, оставаясь таковым и для всех последующих поколений. Деньги собирали двадцать лет, а памятник изготавливали и отливали в столице на Неве ещё пять долгих

лет. И памятник получился, причём настолько хорош, что все современники отмечали совпадение черт лица Пушкина. Он встал, там где ему положено было встать, изящным заключительным пазлом, на точно отведённое ему пространством и временем место, среди степенно застывших фонарей и проезжающих экипажей, спешащих простолюдинов и зеленеющих аккуратно-подстриженных крон деревьев, стоящих вдоль дороги, невысоких крепких двухэтажных кирпичных зданий и стоящего напротив золотисто-сиреневого Страстного монастыря, где, конечно же, за него непрестанно молились...

А в 1937 году, через 100 лет после убийства Пушкина, усилиями большевиков, Страстной монастырь перестал существовать. Это произошло буднично-равнодушно, через месяц на месте монастыря зияла дыра, ещё одна незаживающая рана прошлого, безвозвратно уходящего в небытие. Как и всё, связанное с историей в этой стране, изменения были немного жутковаты. Словно памятник Командору, Пушкин развернулся на сто восемьдесят градусов и замер на другой стороне площади, на месте развалин Страстного...

Филя почему-то вспомнил про ту самую страстную икону из разрушенного монастыря... Её Филя лобызал в церкви Воскресения Христова в Сокольниках, теперь её дом там. Он долго сидел перед этой необычной иконой. Светло-зелёный фон иконы словно завораживал, потрясало грустное спокойствие божьей матери, придерживающей прильнувшего к ней

младенца Иисуса, и строгие лики двух ангелов по краям иконы с орудиями страстей – крестом, копьём и губкой...

Ноги у Фили не милосердно гудели, а живот периодически урчанием напоминал о нарушении режима питания и настоятельно требовал вкусной и здоровой пищи. Филя сел на скамейку и достал из рюкзака большую медную кружку с надписью «СОТВОРИТЕ МИЛОСТЫНЮ», любовно протёр надпись полой подрясника и поставил рядышком...

Внезапно рядом с Филей остановился сухонький старичок с тростью. Почему-то слово «интеллигент» в сознании современного общества слилось со словом «бывший», как будто интеллигентность, как болезнь, со временем проходит. Внешний облик образцового интеллигента в умах людей намертво сжился с образом Антона Павловича Чехова. Благообразный, худощавый, в очках, с бородой клинышком и усталостью от этой жизни в глубине глаз, хотя последнее, наверное, как доминантный ген присутствует у всех людей, относимых к этой породе. Подошедший старичок, как ни странно, действительно был чем-то похож на Чехова. Ветхое, не по сезону пальто серого цвета, было кое-где аккуратно заштопано, присутствовали и круглые очки, и реденькая бородёнка, а на голове, вот уж действительно редкость, красовалась шляпа. Когда вы её видели последний раз в городе? Разительным диссонансом выглядела дорогая тёмно-коричневая трость с металлическим набалдашником, возможно, по цвету даже и серебряным...

– Ну, что, Человек Божий, как там на просторах нашей необъятной Родины? – весело спросил старичок, хотя его глаза грустно-участливо посмотрели на потрёпанное одеяние Фила.

– А вы чей? Разве не Божий? – наивно спросил Фил, и, уже убеждённо, продолжил: – Все мы люди Божии.

– И плохие люди? – лукаво спросил старичок.

– И плохие, и хорошие. Да и плохой, хороший, это как посмотреть. Может для себя и своей семьи очень даже и хороший, а для других плохой. Может когда и поступил вроде бы плохо, а глянешь, через десяток лет оказывается и наоборот. Судить только себя можно, а других судить не твоё дело...

– Ба! Да ты философ! – опять улыбнулся старичок, присаживаясь на скамейку рядом с Филом. – Хотя, как тут не будешь философом? Всякий странствующий уже философ. Странствия – лучшее занятие в мире, о котором мечтают все, а позволить могут себе немногие. Когда бродишь – стремительно растёшь, в твоей душе откладываются люди, города, страны, и ты изменяешься вместе с ними. Таких людей узнаешь сразу. Если Господь привёл нас в этот мир, то какое счастье, постараться как можно более познать его! А познавая его, поневоле становишься философом. Сократ, например, считающийся величайшим философом, может быть лучшим из них, не написал ни строчки. Это он был родоначальником философской диалектики, понимаемой как нахождение истины с помощью бесед, то есть постановки определённых

вопросов и методического нахождения ответов на них. Он ходил по городам и рынкам, слушал какую-то людскую болтовню... Он умел задавать правильные вопросы и умел самое главное – слушать, внимательно слушать своего собеседника. Сократ учил, что добродетель и есть мудрость, и что знающий доброе, обязательно поступает по-доброму, а поступающий по-злему, или не знает, что такое добро, или творит зло (обычно ради торжества добра). В понимании Сократа не могло быть противоречия между разумом человека и поведением его среди людей... Ну, а всем известный русский Сократ, первый философ Российской империи бродячий философ Григорий Сковорода...

– А это тот, странствующий философ-богослов, который велел на своей могиле написать «Мир ловил меня, но не поймал»... – протянул Филя.

– Да, да, тот самый, который был близок с фаворитом Императрицы Елизаветы, графом Алексеем Григорьевичем Разумовским, также происходившим из казаков, тот самый, который путешествовал вместе с Владимиром Калиграфом, вёзшим в Москву труды Эразма Роттердамского и Готфрида Вильгельма Лейбница, да и к тому же, который приходится двоюродным прадедом другому русскому философу Владимиру Сергеевичу Соловьёву...

– А я слышал рассказ, как Григорий во время одного из своих многих странствий, то ли в Польше, то ли в Австрии, проходил как-то мимо сельской церкви во время обедни.

Двери в церковь были открыты, ну и он зашел в храм. Церковь была практически пустая, а священник стоял с чашей в руках, ожидая причастников, но никто так и не подошел. «Неужели можно Жертву Божию отвергнуть?» – сказал Григорий. И, как говорят, «со дерзновением приступил к Причастию», прямо как был: пыльный, невымытый, с дороги... Приходской священник спросил подошедшего к чаше Григория: "Понимаешь ли, что делаешь, готов ли?" Тот ответил: "Понимаю и готов!" И священник приобщил его к чаше, признавая его правоту, что сердце его было чисто...

– Да! Это Сковорода! – старичок улыбнулся, – В этом весь он!..

Внезапно он спохватился и полез в карман пальто, достал оттуда мятую купюру, тщательно разгладил её на коленке и торжественно вручил Филу.

– Как сейчас говорят – сначала деньги, потом все остальные разговоры. – Как-никак чужое время трачу.

– Да у меня этого времени вагон и маленькая тележка, и всё своё собственное. – ответил Фил, – Ну, и деньги необязательно. Я бесплатно разговариваю, особенно с хорошим человеком. Пенсия-то небось небольшая?

– Ну, так по-латински "pensio" – это пособие. Вот государство и пособляет, чтобы от голоду не померли, ну, а дальше уж помоги себе сам. С биологической точки зрения всё просто безупречно. Дольше всех живут особи, содержащиеся впроголодь. Так что... Ну, а тебе эти деньги, думаю, всё

же нужней...

– Мне-то?.. – Фил задумался. – Так кто скажет, что кому нужней... Вот только, скажу я вам, разучились нынче милостыню подавать.

– Как это?.. – удивился старичок.

– Да так... Смотрите вот... – Филя пожевал губами. – Идёт кто по улице и видит нищего. Видит издалека. И никто сразу за кошельком не тянется. Нет такого условного рефлекса... В уме сразу включается калькулятор – сколько минимум можно дать, а лучше уж и без этого обойтись. Часто заранее достают, чтобы ты не видел, сколько в кошельке. И, самое главное, никто никогда не смотрит на того, кому подаёт, а уж в руку положить, прикоснуться к нищему и убогому – это вообще! Не дай Бог! Подадут три копейки, а ощущение, что последнее с себя снял. Идёт дальше прямой и гордый, словно осчастливил весь мир. А ведь по сути, я – твоя Господняя проверка на вшивость тебя грешного. И, может быть, тебе это в десять, в двадцать раз больше надо, чем мне. Тебе надо милость сделать, поделиться своим достатком, Господом данным, а ты выбираешь, какой нищий тебе больше нравится, как в магазине. С тебя ведь спросится за то, подал нуждающемуся или нет, а уж с него – как он этим распорядился... Да и в Священном Писании написано... – Фил достал свою потрёпанную Библию с заветной тетрадкой с выписками. – Вот: «Просящему у тебя дай» (Мф. 5:42). «Из имени твоего подавай милостыню, и да не жалеет глаз

твой, когда будешь творить милостыню. Ни от какого нищего не отвращай лица твоего, тогда и от тебя не отвернется лице Божие. Когда у тебя будет много, твори из того милостыню, и когда у тебя будет мало, не бойся творить милостыню и понемногу; ты запасешь себе богатое сокровище на день нужды, ибо милостыня избавляет от смерти и не попускает сойти во тьму. Милостыня есть богатый дар для всех, кто творит ее пред Всевышним» (Тов. 4:7 – 11). «Не отказывай в благодеянии нуждающемуся, когда рука твоя в силе сделать его» (Притч. 3:27). «Кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет. Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9:6,7). «Не отказывай в пропитании нищему и не утомляй ожиданием очей нуждающихся; не опечаль души алчущей и не огорчай человека в его скудости не смущай сердца уже огорченного и не откладывай подавать нуждающемуся; не отказывай угнетенному, умоляющему о помощи, и не отвращай лица твоего от нищего» (Сир.4:1—4).

–М-да! Критик ты серьёзный... Подготовленный... – улыбнулся старичок. – Ну, да я тебе в ответ свою историю расскажу... В городе Париже, во время немецкой оккупации жил один русский, сын эмигрантов из России. Время было голодное и, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, он преподавал в русской гимназии. Однажды он шёл на работу со своими учениками и увидел впереди себя другого препода-

давателя, который работал с ним. Его в гимназии никто особенно не любил, он был нелюдим, замкнут, строг с учениками и неразговорчив с преподавателями. И вот на обочине сидел грязный нищий, перед которым лежала шапка. Люди проходили мимо него, не обращая ни малейшего внимания, шапка почти всегда лежала пустая, а как-то раз один зазевавшийся человек даже наступил на неё. Если кто-то и бросал туда мелкую монету, то он всё равно не видел этого человека, для него существовала только грязная, старая шапка. И вот этот преподаватель, которого все считали педантом, замкнутым сухарём, остановился перед этим нищим, снял с головы свою шапку и что-то сказал ему. Он не подал нищему ни копейки, но тот вдруг вскочил и обнял его. Когда этот русский с детьми дошли до гимназии, любопытные дети окружили этого преподавателя и начали спрашивать, кто этот нищий, не родственник ли или близкий знакомый он ему и почему он перед ним снял шапку. Он объяснил им, что так как у него нет денег на проезд, он вынужден ходить пешком с другого конца города. И что, проходя мимо этого нищего, он понял, что не может просто пройти мимо, не заметив его, что он должен сказать что-нибудь этому человеку, что он уважает его, как равного, как такого же человека, но сейчас у него просто нет денег, чтобы хоть как-то помочь ему. И нищий понял это. Мне кажется, никогда за всю жизнь никто так не обогатил его, как тот преподаватель. Дал почувствовать себя таким же человеком, о котором он уже и позабыл, просижи-

вая сутками на обочине дороги, обочине жизни...

Они оба помолчали...

– Да... – сказал Филя. – Сложная это тема... Вот и Александр Сергеевич, думаю, согласен. У него, кстати, как и у вас шляпа. Вон за спиною держит...

– Нас и зовут одинаково, – улыбнулся старичок. – Александр Сергеевич! – Он наклонил голову. – Прошу любить и жаловать!

– Фил! – представился Филя. – А ведь, как он голубей-то ненавидеть должен, – не к месту вдруг сказал он. – Вот в стихах, в поэзии, это небось, его любимый образ. А как застыл в веках, забронзовел, так те уж и рады на голову срать... И где же, я спрашиваю, тогда справедливость?!

– А вы знаете, Фил, этот образ Пушкина очень похож на самого поэта, знатная скульптура. Ведь Опекушин, автор памятника, как его тогда величали «классный художник первой степени», был такой титул, использовал в работе над ним всем известный портрет Кипренского и посмертную маску Александра Сергеевича, снятую формовщиком-литейщиком Полиевктом Балиным под руководством скульптора Гальберга, считавшегося «скульптором мечтательной красоты, спокойствия и объективности, первым ваятелем России». Кстати, второй памятник Пушкину Опекушин установил в Кишинёве ровно через год.

Моя бабушка рассказывала удивительную историю, связанную с этим памятником. После революции мама жила в

Москве, рядом с Тверской площадью. Здесь она и познакомилась с необычной женщиной. Бабушка, ее звали Пелагея, часто приходила к памятнику Пушкину посидеть, почитать книги. Как она рассказывала, было удивительно спокойно рядом с ним готовиться в институт, наверное, он охранял ее покой своим незримым присутствием. И вот однажды она обратила внимание, что, часто приходя к памятнику, она видит худощавую, но всё ещё статную высокую старушку, всегда одетую в чёрную вуаль и такого же цвета старое, но аккуратное кашемировое пальто. Она молча сидела на лавочке возле памятника практически в любую погоду. В руках у неё всегда был или зелёная веточка, или несколько скромных цветов. Посидев, какое-то время, иногда час или два, она подходила к памятнику, клала цветы к подножию, молча прикасалась к мраморному постаменту и уходила. Однажды они познакомились. Это произошло случайно. Старушка выронила цветок и Пелагея, стоявшая рядом, бросилась его поднимать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.